

Э тот текст посвящен едва ли не самой горькой проблеме человечества: целенаправленному и массовому уничтожению мирных, невинных, обычных людей другими людьми, в какой-то момент посчитавшими, что они могут это сделать.

Массовая гибель солдат на войне от рук противника или даже массовая гибель мирных жителей, попавших в зону боевых действий, – это «потери». Общественная мораль в ряде случаев готова даже с этим примириться – в отличие от массового убийства мирных граждан как специально организованного действия. Это преступление, у которого нет срока давности. Но как события такого рода помещаются в памяти российского населения: что забыто, а что нет?

Исследователи, работающие в «Левада-центре»¹, не раз задавали респонден-

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

там вопрос «Знаете ли вы о репрессиях 1937–1938 годов?». В 2007-м примерно одна восьмая, а в 2023-м примерно пятая часть взрослых россиян выбрали ответ «практически ничего не знаю». На треть больше стало отвечающих «знаю, но мало». Доля считающих, что они знают «многое и в деталях», была невелика – около 13%, сократившись на четверть. Большая часть – около 45% в 2023-м (снизившись по сравнению с 2007-м на несколько процентных пунктов) – выбрала ответ «знаю в общих чертах».

Тех, кто был свидетелем/участником событий 1930-х и потому их помнит и может рассказать, среди жителей России больше нет. Как нет и тех, кто допрашивал и сажал, кто сидел, кто расстреливал. Нет их современников, на глазах которых или втайне происходило то, о чем сейчас «знают в общих чертах».

Знали ли современники о происшедшем, о том, что теперь называют «Большим террором»? Опросов тогда не было, все знания – из мемуаров, рассказов, книг, и они указывают, что в то время существовало такое же знание–незнание, которое сейчас мы отмечаем среди многих россиян в отношении происходящего на территории Украины. На бытовательском уровне это можно описать как нежеланное знание. На вопрос «Знаете ли вы о...?» человек отвечает «не знаю», имея в виду «не хочу знать» или даже «хочу не знать». Может быть, такова феноменология травмы.

Нынешнее знание о «тридцать седьмом», о котором согласились сообщить по меньшей мере половина опрошенных, в какой-то части тоже является нежеланным. Судя по событиям последнего времени, по тому, чей дискурс становится доминантным, в недалеком будущем, возможно, постановление «О преодоле-

нии культа личности и его последствий», «Архипелаг ГУЛАГ» и подобная им информация на государственном уровне будут признаваться нежелательными – а значит, будут восприниматься таковыми в индивидуальном сознании и в общественном.

Но это впереди. А пока у знания о «тридцать седьмом» есть еще один атрибут – привкус правды. Даже те, кто мало знает об этой части отечественной истории, понимают, что она была тайной, а затем эту тайну открыли. Для массового сознания весьма характерно представление, что истинная правда о важных вещах скорее всего скрыта. Недаром доклад Хрущева на XX съезде сначала имел статус секретного документа, его читали вслух на закрытых партийных собраниях, текст в руки не давали, а коммунистам было запрещено рассказывать о нем беспартийным. Вплоть до наступления эпохи гласности это знание имело характер тайного и запретного².

Поскольку правда обычно от нас скрыта, статус этого знания как тайного был для людей доказательством того, что это правда. Привкусы бывшей тайны и открывшейся правды были характерны для всего, что выплеснула на читателей эпоха гласности. Но она уже позади. Ее сенсации и разоблачения, утратив потенциал новизны, в основном предаются забвению. Сценаристы телесериалов могут извлекать оттуда сюжеты, имена и темы, хранящие след былой сенсационности, и, придав им «современное звучание», продавать властям и зрителю. Но самопроизвольно этот груз из памяти не извлекается. Отвечая утвердительно на вопрос о «тридцать седьмом», респонденты лишь сообщают, что эта информация хранится в их

2 Конечно, доклад Хрущева на XX съезде КПСС для очень многих был сообщением о неслыханном и невообразимом, но для многих он стал разрешением сознаться себе в том, что они это знали.

памяти. В департаменте «забвение», уточняем мы.

Наш следующий вопрос побуждает людей охарактеризовать явление, о котором они помнят. Мы спрашиваем: «Сколько людей в СССР попало под репрессии в 1937–1938 годах?» – и предлагаем шкалу с семью позициями от «сотни людей» до «десятки миллионов». Выбирая ответы, респонденты так или иначе выражают свое мнение о масштабах репрессий: слова-числительные здесь приобретают характер либо тяжелого обвинения (если «миллионы»), либо, наоборот, снятия с тех, кто должен нести ответственность, уж очень тяжелой вины (если «тысячи»).

Сравнивая результаты недавнего опроса и опроса 2012 года, мы видим, что вариант «сотни людей», практически игнорируется; сейчас таких ответов немного побольше, но все равно за пределами точности наших измерений. Мы его передаем не числом, а словами «очень мало». Ответ «тысячи» выбрали шесть человек из ста в 2012-м, ныне к ним прибавилось двое–трое. Это позволяет считать такие мнения маргинальными. На другом краю шкалы в 2012-м были представлены маргиналы иного рода: они оценивали масштабы репрессий в «десятки миллионов». Главное же, что обращает на себя внимание, что ответов с размерностью «тысячи» становится сейчас больше, тогда как с размерностью «миллионы» – меньше. Например, в 2007-м чаще всего выбирали ответ «несколько миллионов», сейчас – «сотни тысяч». Ответы, где фигурируют «миллионы», в 2007-м выбрали общей сложностью более 40% респондентов, в нынешнем – менее 30%.

Память о репрессиях слабеет, усиливается процесс забывания, снизилась острота припоминаемого. Отчасти это, конечно, естественный эффект смены

поколений. Память слабеет, суд потомков становится менее строгим. Но это еще и эффект целенаправленной политики, предлагающей скорбеть не по жертвам 1937 года, ни за что погибшим от руки своих, а только по погибшим от руки врага и завоевавшим великую победу.

Когда людей спрашивали, кто, по их мнению, чаще всего попадал под репрессии в те годы, наиболее частый ответ – «все без разбора, по произволу власти или по доносу завистников» (раньше 45%, теперь около 40%). Так отвечают как те, кто считает 1937–1938-й разгулом «произвола властей», так и те, кто связывает массовые репрессии с дурной моралью людей: много доносчиков, соответственно, много и жертв (а не было бы массы доносов, так не было бы такого количества жертв – то есть общество само виновато). Заметим, что вариант «сажали всех без разбора» представляется довольно безответственным, поскольку отражает представление о репрессиях как о чем-то вроде природной стихии. Раз тогда «без разбора», значит, и теперь уже не разобраться, нечего и пытаться.

Вторым по частоте в 2007-м и 2012 году был ответ, гласящий, что жертвами оказывались «наиболее способные и авторитетные люди» (27% и 25% соответственно). Такой вариант, в отличие от предыдущего, возлагает на тогдашнее руководство страны и «органы» вину за уничтожения цвета нации. В нем можно увидеть стремление менее способных уничтожить более способных из ревности и зависти.

Но поскольку для последних лет характерна тенденция к моральной реабилитации организаторов репрессий, растет авторитет их наследников, то это чувствуют и респонденты. В результате таких ответов стало вдвое меньше,

и с третьего на второе место поднялся вариант, созвучный с пропагандистскими усилиями тех, кто хотел бы исправить урон, нанесенный репутации «органов» в период гласности: репрессиям в основном подверглись те, «кто был явно и скрыто настроен против советской власти». То есть для того времени репрессии были необходимым и неизбежным делом. Те, кто их осуществлял, исполнял свой долг, веление своего времени. Количество жертв обусловлено обилием врагов. (Резон, что достаточно было быть «скрыто настроенным против советской власти», чтобы за это подвергаться репрессиям, идет как само собой разумеющийся).

Совсем немного опрошенных выбрали ответ, что репрессировали «наиболее преданных сторонников советской власти»: он привлек внимание шести–семи человек из ста.

В 2012 году, еще дышавшем воздухом массовых митингов, 48% считали, что «нужно активно обсуждать то, что случилось в те [1937–1938] годы, не забывать свою историю». Но уже тогда 37% выбирали ответ «лучше говорить об этих репрессиях поменьше, не нужно ворошить прошлое». На групповых дискуссиях тогда и позднее приходилось слышать: да, надо обсуждать эти темы, возвращать память о жертвах; да, репрессии в отношении невинных были массовыми преступлениями. Но если это преступления, то, наверное, надо судить тех, кто их совершал? А вот этого не надо. Это посеет раздор в обществе³.

В песнях, например, Александра Галича или Эдуарда Соловьева 1960-х, поднималась тема того, что в современном им обществе, когда массовые репрессии ушли в прошлое, жертвы и палачи жили попеременно. Но идея привлечь вторых

к ответственности ни в песнях, ни в реальности не возникала. Даже намерение выявить имена тех, кто сажал и допрашивал, возникло только в XXI веке и вряд ли будет сейчас реализовано.

Сегодня среди событий из истории России XX века, о которых «надо бы знать и помнить больше, чем прежде», звучат темы, о которых «говорить не хочется». О «массовых репрессиях при Сталине» считает нужным говорить одна пятая взрослых россиян; об «уничтожении евреев во время немецкой оккупации (Холокост)» – одна седьмая; об «этнических чистках и депортациях народов на территории СССР» – одна десятая; о «преследовании инакомыслящих (диссидентов) в Советском Союзе» – одна двадцатая. Когда «репрессии, террор, выселение народов в 1920–1950-е» объединены в один вариант ответа, то он вызывает отклик примерно у четверти респондентов.

* * *

К теме Холокоста, определенной в приведенном выше варианте ответа исторически достаточно узко, можно сделать добавление, опирающееся на иные опросы, где респонденты – не наши современники.

В годы гражданской войны на территории юга России, Украины и Белоруссии действовало множество регулярных и нерегулярных вооруженных формирований, воевавших между собой. Местное крестьянское население, включая вернувшихся с фронтов мировой войны, также было вовлечено в эту войну всех со всеми. И все без исключения вооруженные отряды, банды и регулярные войска производили погромы достаточ-

3 Приходилось слышать, что родственники реабилитируемых могли получить на руки их дела, но фамилии следователей были там вымараны – и родственники это принимали.

но многочисленного в тех местах еврейского населения, о чем рассказывает почти тысячестраничная «Книга погромов»⁴. Эти акции разнились уровнем жестокости, продолжительности и масштабами, но все они радикально превосходили своим размахом и губительными последствиями городские погромы конца XIX – начала XX века. По данным «Книги погромов», в 1918–1922 годах были лишены жизни 150 тысяч евреев.

В этих действиях – разумеется, не координируемых, ибо часто это были враждующие силы, – просматривается общая черта: стремление лишить евреев дела, дома и земли. Были случаи поголовного уничтожения населения местечек. Но, даже когда убивали сравнительно немногих, уничтожались их средства к существованию. Наиболее ясно видна общая цель этих спонтанных и стихийных действий в тех случаях, когда все население местечка убивали или изгоняли, дома сжигали, а место запахивали. Доминантный этнос уничтожал «чуждый» – исторгал его со своей земли. Евреи перестали жить здесь едино и совместно, как живут люди одного народа. Они частью эмигрировали, но в основном бежали в разные города⁵.

Это можно с полным правом назвать словом «геноцид». *Gens*, род, народ был подвергнут убийству, уничтожен в этих

местах. Лидия Милякова, ответственный редактор «Книги погромов», в личной беседе высказывала мнение, что эти процессы были началом или прологом Холокоста. Я присоединяюсь к этой точке зрения, поскольку считаю, что данное понятие должно охватывать все случаи уничтожения евреев как этнической группы. В 1918–1922 годах это происходило стихийно⁶ в форме вытеснения евреев с мест проживания, экспроприации их имущества, физического уничтожения. В годы Второй мировой войны основная часть того, что называют Холокостом, осуществлялась государством и шла планомерным образом, будучи реализацией рационально составленного плана по «окончательному решению еврейского вопроса».

Погромы гражданской войны на западных территориях бывшей Российской империи подробно описаны. В силу сложившихся тогда политических обстоятельств власти Советской России были заинтересованы в сборе соответствующих свидетельств. Несколько еврейских общественных организаций, а также организации Красного Креста проводили на местах тщательные опросы свидетелей (причем часть из них проводилась по стандартизированным опросникам)⁷. Ответы респондентов записывались, наблюдения протоколировались. Архивы

4 Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов / Отв. ред. Л. Милякова. М.: РОССПЭН, 2007 (<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/31-kniga-pogromov-pogromy-na-ukraine-v-belorussii-i-evropeyskoy-chasti-rossii-v-period-grazhdanskoj-voyny-1918-1922-gg-sbornik-dokumentov>). Переиздана в 2018 году.

5 Это подстегнуло процессы ассимиляции, расставания с национальными чертами традиционного еврейства. Среда, претерпевшая модернизацию в таких особых формах, оказалась весьма благоприятной для порождения деятелей, которые на переходе из традиционного еврейства в российско-европейскую городскую жизнь, культуру, науку сумели внести в нее значительный вклад. Они были помещены туда сначала естественным ходом ассимиляции, а затем описанным насилием над народом, в результате чего он стал одной из «национальностей», отмечаемых в пятой графе советских анкет.

6 В иных воинских частях и армиях погромами руководили командиры и атаманы. Но они сами были агентами стихийного, захватившего всех участников процесса. Механизм стихийного коллективного действия в истории весьма часто проявлял себя (и сейчас проявляет) при столкновениях племен, народов, вообще разных этнических групп.

7 Много позже это назовут методом изучения устной истории, биографическим методом социологического исследования и так далее.

этих опросов и обследований сохранились до нашего времени, в том числе в Государственном архиве Российской Федерации, где и были обнаружены Лидией Милаковой.

Примерно в то же время, когда создавалась и издавалась «Книга погромов», «Левада-центр» изучал российское общественное мнение по темам, которые соприкасаются с этой проблематикой. Из ответов респондентов видно, что тема Холокоста осталась значимой для общественного сознания определенной части россиян – евреев и неевреев. Однако из темы исторической она превратилась в актуальную, касающуюся отношения россиян к ныне живущим евреям. Так, уже в 2020 году более половины респондентов полагают, что утверждения «Холокост – это миф» или «масштабы Холокоста преувеличены» не являются проявлениями антисемитизма. За этим можно видеть нежелание давать евреям возможность утверждать, что они – наиболее пострадавшая в те годы национальная общность. Известно, что на роль народа, принесшего наибольшие жертвы в годы Второй мировой войны, советская – а за ней российская – пропаганда выдвигала советский, затем российский народ. Но в целом «традиционные» претензии к евреям за последние два десятилетия весьма ослабли. Впрочем, и евреев стало очень мало, а «еврейский вопрос» в российском массовом сознании отнесен на периферию. (Его можно возбудить, но для этого нужны специальные усилия.)

* * *

Возвращаясь к другим вопросам о состоянии массового сознания россиян, отметим, что накануне исторического поворота в судьбе России, который состоялся в начале 2022 года, наши опросы зарегистрировали один из максимумов в распространении страхов по поводу репрессивного поведения государства в отношении граждан. Боявшихся публичных унижений, произвола властей, незаконных, массовых репрессий в 2021-м было не меньше, а то и больше, чем небожавшихся. Кроме того, боязнь мировой войны достигла максимума и охватывала тогда две трети взрослых россиян.

В декабре 2022 года, когда мы проводили очередной опрос, россияне уже сжились с новой реальностью. Боязнь мировой войны ослабла, хотя и осталась одним из самых сильных страхов (сильнее страха смерти). Но массовая реакция на новое для страны состояние оказалась чем-то вроде вздоха облегчения: доля боящихся различных неприятных действий со стороны государства упала. Опасаться массовых репрессий и тому подобного в это время стало уделом меньшинства. Остальных охватило некое «сжатие сознания». И хотя в новых обстоятельствах часты сообщения о репрессиях и произволе, а также об успехах и поражениях то одной то другой стороны, основные параметры массовых настроений замерли и не движутся. В этом состоянии массового сознания не видится будущее, перестало ощущаться настоящее и теряет важность прошлое.